

О РУССКИХ НАРЕЧИЯХ, ВОСХОДЯЩИХ К ИМЕНТЕЛЬНОМУ ПАДЕЖУ ИМЕНИ

А. КОНЕВЕЦКИЙ

На возможность образования наречий от форм именит. падежа в русской лингвистической литературе редко обращали внимание. В. А. Богородицкий даже утверждал, что наречия от существительных могут происходить от всех падежных форм, кроме именит. и зват¹. Действительно, наречий, восходящих к именит. падежу, в русском языке, как и вообще в славянских языках, отмечается очень мало, что, безусловно, связано со свойствами самого именит. падежа. И все же в языке могут возникать ситуации, когда именит. падеж дает адвербиальные формы.

Вопрос о возможности образования наречий от форм именит. падежа до сих пор не получил достаточного обоснования и объяснения, подкрепленного фактами языка. Причина сомнений в такой возможности — полное отсутствие у именит. падежа способности выразить обстоятельственное значение, являющееся исходным в развитии других адвербиальных значений. Все косвенные падежи имели некогда обстоятельственные значения, больше того, это были их первичные значения. Но постепенно косвенные падежи теряли обстоятельственные значения, одни раньше, другие позже. Остатки употребления падежных форм с обстоятельственными значениями — наречия². Тот же путь синтаксической изоляции наблюдается и при образовании наречий от предложно-падежных форм имени. Фронтальное обследование всего арсенала наречных форм за весь письменный период позволило заметить в русском языке возможность и другого пути образования наречий: не через синтаксическую изоляцию беспредложных и предложно-падежных форм, а путем превращения адъектива через ступень предиката в наречие. Именно таким путем и образуются наречия от форм именит. падежа.

На более раннем этапе развития русского языка образование наречий от именит. падежа связано с неизменяемыми формами на *-ь*, наблюдаемыми в старославянском и других славянских языках (*выспрь*, *испъльнь*, *сугубь*, *свободь*, *удобь* и др.). Исследователи обычно относят их к неизменяемым прилагательным, которые кроме функции определения могли выполнять также функции сказуемого и обстоятельства³.

¹ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М. — Л., 1935, с. 193.

² Подробно об этом см. Коневецкий А. Наречия от беспредложных форм имен существительных в русском языке. — „Kalbotuga“, 1976, т. XXVI (2).

³ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1—2. М., 1958, с. 109; Вайн А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, с. 156; Ван-Вайк Н. История старославянского языка. М., 1957, с. 279; Jahn J. Slovanské adverbium. — „Acta universitatis Palacianae Olomucensis“, 1966, Nr. 18, Praha, с. 84.

Несмотря на то, что несклоняемые прилагательные на -ь привлекали внимание лингвистов уже давно, представление об их функциях часто ограничивалось констатацией наличия у них функций атрибута, предиката и обстоятельства⁴. То, что форм на -ь в старославянском языке встречается больше, чем в других славянских языках, заставляло исследователей рассматривать их как старославянизмы⁵. Наличие таких же форм в других славянских языках убеждает в том, что это общеславянские формы, происхождение которых уходит в глубокую древность, когда параллельно с продуктивным типом основ на -*ǫ существительные и прилагательные образовывались и по основам на -*ī. В связи с тем, что параллельное употребление прилагательных с основой на -*ī и более продуктивных прилагательных с основой на -*ǫ в славянских языках не было связано с различием в значении, происходило постепенное вытеснение прилагательных с основами на -*ī и как следствие этого — вытеснение наречий на -ь наречиями на -о. Началось это вытеснение еще в дописьменную пору, а завершилось в письменный период. Аналогичный процесс пережили и другие славянские языки⁶. Остатками прилагательных с основой на -*ī и были прилагательные на -ь, утратившие еще в дописьменные времена способность склоняться. Гораздо меньшее количество несклоняемых прилагательных на -ь в древнерусском языке, по сравнению со старославянским, и отражает постепенную утрату продуктивности этой группы лексики в славянских языках. На былую жизненность форм на -ь указывает то, что в древнерусских письменных памятниках формы на -ь встречаются не только в церковно-книжных источниках, но и в сугубо русских произведениях и документах. Например, с функцией определения: *клеветьникъ ... сузубь дльгъ грѣха себѣ, събирая, и за ся и за слушающия*. ПандАнт, 71,11 в.; *въкупъ богъ и человекъ есть, сузубь естествомъ*. Мин, 254, 11 в.; *свободъ мужъ ученъ же добръ въ латиньскыя книги*. УспСб, 109, 12 в.; с функцией сказуемого: *свободъ суть сынове*. Изб, 209, 1073 г.; *сузубь бо суть грѣси ея*. СлИп, 41,12 в.; *а тѣжа на города, а нѣмчинъ свободъ и новгородци*. Док. 1199 г., Срезн, 3,280.

В лингвистической литературе нет единогласия во взглядах на происхождение подобных форм на -ь. Иногда в них видят именит-винит. падеж прилагательных основ на -*ī⁷. А. Лескин предполагал здесь винит. падеж субстантивированных основ на -*ī⁸, а А. Л. Погодин указывал даже на мест-

⁴ Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с. 428; Вайан А. Указ. соч., с. 157; Селищев А. М. Старославянский язык, ч. 2. М., 1952, с. 130; Ван-Вейк Н. Указ. соч., с. 279; Ушакова Е. М. Синтаксические функции несклоняемых прилагательных в древнерусском языке. — ВЯ, 1974, № 6, с. 126—127; Stang Chr. S. Slawische indeklinable Adjektiva auf -ь. — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, 1939, Bd. 11, Oslo, с. 99.

⁵ Буслаев Ф. И. Указ. соч., с. 428; Вайан А. Указ. соч., с. 156—157; Ван-Вейк Н. Указ. соч., с. 279; Селищев А. М. Указ. соч., с. 130; Ушакова В. М. Указ. соч., с. 128; Stang Chr. S. Указ. соч., с. 99; Jahn J. Указ. соч., с. 84.

⁶ Jahn J. Указ. соч., с. 68.

⁷ Буслаев Ф. И. Указ. соч., с. 428; Ильинский Г. А. О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянск. языка. Прага, 1902, с. 53; Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 119; Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. 2. Strassburg, 1897, с. 112; Vondrak W. Alt-kirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912, с. 165—166; Stang Chr. S. Указ. соч., с. 99.

⁸ Лескин А. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915, с. 175.

ный падеж тех же основ⁹. Многие исследователи, исходя из функциональных особенностей форм на -ь, прямо считают их формами именит. падежа¹⁰.

Обобщая все ранее сказанное о несклоняемых прилагательных на -ь, Н. С. Рыжков связывает их происхождение с не успешными как следует отожествляться от существительных прилагательных с основой на -*i. Произошло это в связи с развитием категории грамматического рода в системе класса имен. Возникшие морфологические процессы привели к тому, что прилагательные выделились в самостоятельную категорию, сохранив при этом только две из прежних основ (на -*ā и на -*ǝ). Остальные же основы прилагательных, как не выражавшие достаточно четко категорию грамматического рода, не смогли удержаться в языке и подверглись процессу разложения¹¹. Завершение этого процесса протекало на раннем этапе письменного периода.

Но к этому времени и функциональное развитие форм на -ь прошло до конца. Фиксация этих форм в славянских письменных памятниках старшей поры в роли определения, сказуемого и обстоятельства показывает нам путь превращения этих неизменяемых форм от атрибута через предикат в наречие. Именно на этот путь и указывали в свое время К. Бругманн¹², Г. А. Ильинский¹³, А. Мейе¹⁴, а вслед за ними И. Трыпуцко¹⁵, Й. Зубатый¹⁶, Я. Ян¹⁷. Будучи атрибутом, неизменяемые прилагательные на -ь в определенных контекстуальных условиях начинали определять не сам субъект, к которому они первоначально относились, а все предложение в целом. В силу своей неизменяемости они больше примыкали к сказуемому, т.е. становились атрибутом предиката, а такая функция уже прямо вела к превращению форм на -ь в наречия. По сути, процесс развития у несклоняемых прилагательных наряду с функцией определения функций сказуемого и обстоятельства отражает определенные этапы в развитии функционирования форм имен прилагательных вообще. Недавнее утверждение Е. М. Ушаковой о функциональной несвязанности форм на -ь в роли определения и сказуемого и лишь об их омонимичности с наречными формами на -ь¹⁸ сейчас можно воспринимать только как шаг назад в решении этого вопроса.

⁹ Погодин А. О некоторых оконч. Loc. Sing. в славян. языке. — „Русский Филологический Вестник“, 1896, т. 35, № 2, Варшава, с. 139.

¹⁰ Миклошич Ф. Сравнительная морфология славянских языков, вып. 3. М., 1886, с. 47; Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, с. 347; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1961, с. 385; Ян Я. Старославянское наречие как член предложения. — „Slavia“, 1950, г. 20, с. 1, с. 9; Brugmann K. Adverbia aus dem maskulinischen Nom. Sing. prädikativer Adjektiva. — „Indogermanische Forschungen“, 1910, Bd. 27, Strassburg, с. 270–271; Doritsch A. Gebrauch der altbulgarischen Adverbia. Leipzig, 1910, с. 136–143; Трыпуцко J. Mianownik w roli przysłówka w słowiańskich językach, I (Przymiotniki). — „Uppsala universitets arsskrift“, 1948, N. 3, с. 22, 91; Jahn J. Указ. соч., с. 63.

¹¹ Рыжков Н. С. Морфологические типы отприлагательных наречий в древнерусских памятниках 11–14 вв. — „Ученые записки Петропавловского пединститута“, 1957, вып. 4, с. 297.

¹² Brugmann K. Указ. соч., с. 270–271.

¹³ Ильинский Г. А. Указ. соч., с. 347.

¹⁴ Мейе А. Указ. соч., с. 385.

¹⁵ Трыпуцко J. Указ. соч., с. 91.

¹⁶ Zubaty J. Studie a članki, s. I, č. 2. Praha, 1949, с. 106–161.

¹⁷ Ян. Я. Указ. соч., с. 9; Jahn J. Указ. соч., с. 63.

¹⁸ Ушакова Е. М. Указ. соч., с. 127.

Атрибутивное и предикативное функционирование небольшого количества прилагательных на -ь, как уже отмечалось, еще было свойственно древнерусскому языку старшего периода. Употребление форм на -ь в качестве предикативных атрибутов, переводившее их в разряд наречий, началось задолго до начала письменного периода, поскольку уже в самых ранних письменных памятниках такие формы отмечаются как наречия с пространственным, временным и определительным значениями. Хронологические рамки употребления форм на -ь в качестве наречий значительны.

С пространственным значением:

выспрь – 1) „вверху“: *Стоя выспрь на горѣ ... всѣхъ разумении въ-рою проsvѣщааше*. Мин, 293,11 в.; *стояста два столпа цела камени и на нею комара, и выспрь же верх украшен звѣздами златыми*. ИпЛет, 843,1425 г.; *и в том свѣтѣ выспрь в темя челоуѣку зрак велик*. Док. 1662 г., АИ, 4, 330;

2) „вверх“: *Корень гордости выспрь прозябая*. ПандАнт, 137, 11 в.; *И внезапно потрясая мѣсто и изыде вода выспрь, яко трубою*. ПовМих, 40,16 в.; *Учением своим стран славу озарили; суть в образ и другим выспрь тем же б воспарили*. Тред, 335,1764 г.

искрь – 1) „вблизи“: *и створи въ златѣ кумирецъ въ брата своего, положи на прѣстолѣ, идеже сѣдяше искрь братъ его живѣ сы*. ХрАм, 40, 13 в.; *Таковыми вещми искушати наша прстославныя вѣры, аще есть тверди искрь пребывающаи господеву*. Соф. временник, 15–16 вв., Срезн, 1,1120;

2) „подле“ (предлог с род. п.): *тѣ Василии създа църковь искрь святыхъ апостолѣ въ имя своея жены Феоданы*. ХрАм, 24, 13 в.; *Ему же приседяще искрь своя жена поюще пѣснь*. Посл. Кир. Тур., сп. 16 в., Срезн, 1, 1120.

сторонь – 1) „рядом“: *Сторонь с безъкоимитамы свята мученица Иульняны в тѣлѣ лежит*. Сказ. Ант. Новг., нач. 15 в., Срезн, 3, 525;

2) „подле“ (предлог с род. п.): *И есть сторонь пути того, за горою, было то*. ХДан, 86, 12 в.; *Преставися княгыни Ярославля ту же и положена бысть сторонь сына своего Федора*. НовЛет, 79, 13 в.

странь – 1) „напротив“: *И аште о семь не покажется, нѣ поидете къ мнѣ странь, поиду и азъ къ вамъ гнѣвъмъ страню и поражаю вы азъ сещишьды*. Изб, 103, 1073 г.; *Их же емше, овѣхъ растинаху, другия аки странь поставляюще и стрѣляху в ня*. ПВЛ, 33, 1377 г.;

2) „напротив“ (предлог с род. п.): *Странь того церкви святого Луки есть*. Сказ. Ант. Новг., нач. 15 в., Срезн, 3, 537.

О древности пространственных наречий на -ь свидетельствует возможность их употребления и в роли предлогов.

Наречий данного типа с временным значением возникло немного, нами зафиксировано в редких примерах только одно:

утрь – 1) „утром“: *Утрь же, възвращься въ градъ, възалка*. ГалЕв, 1, 335, 1114 г.; *послѣдъ же гласъ напраснѣ ангельскыи являя, яко утрь изъ утрьняго църкве слышати*. ХрАм, 220, 13 в.;

2) „завтра“: *да не днешъ въздержавъся, но утрь не сумнишися*. ЕфрС, 161, 1288 г.

Морфологическая группа наречий на -ь больше всего представлена определительными наречиями:

исполнь — „полностью, совершенно“: *Исплѣнь имѣя къ богу сърдце и душу*. Путят. мин., 11 в., Срезн., 1, 1139; *И устроилъ есми ю иконами многоцѣнными, и евангелиемъ многоцѣннымъ, и всѣми книгами исполнь*. Док. 1136 г., ГрВс, 77; *И преложи вся книги исполнь от гречьска языка в словѣнск 6-ю мѣсяци*. ПВЛ, 23, 1377 г.; *подобия церкви хранилища их, исполнь отыраючи от сия во ону*. ПослИГ, 24, 1564 г.

лиць — „лицом, передней стороной“: *и ту стоялъ шатеръ Авраамовъ близъ дуба того, къ востоку лиць*. ХДан, 70, 12 в.; *явися звѣзда на западѣ, луча имуци, яко и хвост к горѣ, к полудню лиць*. СуздЛет, 486, 1377 г.

ниць, ниц — „ничком, лицом вниз“: *възвратися съ гласомъ великомъ слава бога и паде ницъ на ногу его*. ОстрЕв, 109, 1056 г.; *да мы видѣвше их падахом ницъ от страха*. СказР, 139, 14 в.; *Свалив на землю кладь, лежала ниц на бровке, как на могиле, мать*. Твардовский, В пути.

ници — „ничком“: *слышавше же ученици, падоша ници и убояшася зѣло*. ОстрЕв, 285, 1056 г.; *овии же падаху ници, иниц же трепетаху*. ИпЛет, 690, 1425 г.

обель — „совсем, полностью“: *Продасть ли господинъ закупа обель, то наимиту свобода въ всехъ кунахъ*. РусПр, 130, 1282 г.; *А продал есми сам обель, вечно и непоручно*. Док. 1508 г., Срезн. 2, 577.

особь — „отдельно“: [Петр] *видѣ ризы лежащя и сударь, иже бѣ на главѣ его, не съ ризами лежащъ, нѣ особь съвѣтъ на единомъ мѣстѣ*. ОстрЕв, 207 об., 1056 г.; *и не припустяху его к собѣ, но особь думаху о Давыдѣ*. ПВЛ, 181, 1377 г.; *всякий самец с своим родом особь от протчих*. Крашен, 1, 278, 1755 г.

првь — „сперва, прежде“: *хотя дѣломъ ны показати, првь самъ постися*. ПандАнт, 44, 11 в.

прямь — 1) „прямо“: *Въ море прямь*. Док. 14–15 вв., Срезн, 2, 1719.

2) „правильно, действительно“: *Добро ли е прямь комъкати часто или порѣды*. Изб, 130, 1073 г.; *и еже божествыная книги прямь пише и прѣчтемъ, прямь же его не хожемъ послушати*. ЕфрС, 170 об., 1288 г.; *Архиепископ Нифонт побѣ святую Софию свинымъ всю прямь, извистию маза всю около*. НовЛет, 29, 15 в.

пѣшь — „пешком“: *И самъ поиде пѣшь предѣ вельбуды*. ЖЕп, 21 об., 13 в.; *Они же ркоша: не ѣдемъ ни на конехъ, ни на возѣхъ, ни пѣшь идем*. ИпЛет, 45, 1425 г.; *и був у цесарева посла пришел ко государевымъ посломъ к колымаге пѣшь*. Док. 1576 г., ДипДИ, 665; *Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом, качусь на дрожках*. Держ, 265, 1807 г.

пѣши — „пешком“: *и тако биemi пѣши ходяще доидоша Вавилона*. ИЗлат, 77б, 12 в.; *Коли крестьяне повезут повоз к монастырю... или напорожнѣ пойдут или пѣши поидут... пропущать их добровольно*. Док. 1467 г., АСЭИ, 1, 268; *а сам и протопица брели пеши, убивающеся о лед*. ЖАв, 78, 1676 г.

самохоть — „добровольно“: *одолавимъ волнымъ отъ лучышаго въ хужьше въпасти имъ самохоть и самовольно*. ХрАм, 72, 13 в.

сплошь — „подряд, полностью“: *Кубок с кровлюю, з лица и в серединѣ золоченъ сплош*. Док. 1690 г., Док, 970; *От них мы все сплошь пошли, один поране оставя дудку, другой — попозднее*. Кант, 77, 1743 г.; *Темное небо*

сплошь усыпано звездами, льющими на землю холодный и трепещущий свет. Щедрин, Христова ночь.

сугубь – „вдвое“: *неявленный же тать да отдаеть сугубь, рекше двое того.* Синт, 188, 13 в.; *Расыпаса грѣх его, яко прят от руки господня сугубь грѣхы своя.* Кн. Исани, сп. 15 в., Срезн. 3, 595.

трегубь – „втрое“: *молися за нь богу, хотя и трѣгубь покрывъся.* КнИзб, 129 об., 13 в.; *Съблуди трегубь в дѣщерех своих.* Кн. Иезекииля, сп. 15 в., Срезн, 1016.

удобь – „легко, без труда“: *си противными души попираеми подражають прахъ сѣмо и онамо удобь противными вѣтры носими.* ЧудПс, 9, 11 в.; *Обидящих не мьсти удобь, бо им своя свѣсть мучима злобою.* Пчела, 190, 14 в.; *Вино бо мужи святыя прелцает и дѣвы в жены удобь претворяет.* СПол, 60, 1678 г.; *овии же покаышися прощение удобь полушиша.* Док, 1690 г., АИ, 5, 340.

неудобь – „трудно, неудобно, невозможно“: *рѣку же, глаголють, неудобь пребрести, зане звѣрь есть въ неи.* ХраМ, 49, 13 в.; *и любовь вашу неудобь исписати.* Док. 1595 г., ДипМП, 329; *Неудобь, верь мне, то все исписать и слушать, легче заставить можешь чернца мясо кушать.* Кант, 386, 1731 г.; *А вот, как сегодня, завернет ветер, – и лезет в голову неудобь сказуемое.* А. Толстой, Петр Первый.

усьрдь – „усердно“: *Си в себе помышляя... усьрдь начахъ... десяти съборъ... повелѣния благолѣпны каноны въкупъ събърати.* Синт, 136, 11 в.

Все эти наречия отмечены в основном в памятниках книжно-литературного и церковно-книжного жанров, что свидетельствует об их архаичности. Не все они имели одинаковую употребительность. По сути, широкое распространение в древнерусском языке имели только три наречия – *ниць*, *особь* и *удобь*. Если в 11–14 вв. наречия на -ь употреблялись более или менее свободно и были стилистически нейтральны, то уже после 14 в. большинство из них сохраняется лишь в сугубо книжном языке. После 15 в. употребление этих наречий заметно сокращается, а после 18 в. в литературном языке остаются только наречия *ниц* и *сплошь*, да еще изредка встречается при стилизации „под старину“ наречие *неудобь* (обычно в выражении *неудобь сказуемое*).

Своеобразный путь развития складывался у двух наречий этой группы – *ниць* и *пѣшь*. Судя по тому, что еще в 13 в. *ниць* встречается как прилагательное в косвенных падежных формах (*обрѣтоша и ница лежаща.* ХраМ, 363, 13 в.), наречие *ниць* до 13 в. следует считать функциональным. И лишь с того времени, когда мы встречаем *ниць* при глагольной форме во множ. числе (14 в.), его можно считать окончательно наречием. Процесс полного нарекивания *ниць* задерживало и то, что наряду с ним в качестве функционального наречия до 15 в. употреблялась и форма множ. числа – *ници*, но после 15 в. она уже не встречается. Наречие же *ниць* с 14 в. прочно удерживалось в письменном языке, особенно в книжно-литературных жанрах. Оттуда оно и перешло в литературный язык. В настоящее время *ниц* воспринимается как устарелое.

Форма *пѣшь*, несмотря на довольно длительный период употребления, так и не стала полностью наречием. Даже функционируя в качестве наречия,

она долго сохраняла оттенок атрибутивности. Наряду с формой *пѣшь* употреблялись формы *пѣша* (*бывающая на поли молебницы съ кресты пѣша исхожае*. ХраМ, 402, 13 в.; *Яз... видех государя... пеши идуща с побоища*. Сказ. о Мам. поб., 15 в., ПовРус, 35; *Она бежала ночью пеши*. Док. 1750 г., МСиб, 2, 158), *пѣши* (см. с. 55). Ни один из указанных вариантов так и не утвердился в литературном языке, а в говорах и до настоящего времени употребляются как наречия формы *пеши, пеша, пеше* (ССРЛЯ, 9, 1154).

Наречие *сплошь* фиксируется письменным языком довольно поздно, с конца 17 в., возникло оно, скорее всего, аналогическим путем из прилагательного *сплошной*.

Таким образом, все, изложенное выше, показывает, что в письменных памятниках древнерусского языка отразились все ступени функционального развития форм на *-ь* (от атрибута до предлога).

Вторичное проявление такого же процесса происходит в более поздние времена и обнаруживается в письменном языке с начала 19 в., когда в качестве наречий начинают наблюдаться существительные *смерть, страсть, страх, ужас* и некоторые другие в форме именит. падежа.

Переходу этих форм в наречия предшествовало их употребление в таких выражениях, как *срам сказать, страх подумать, грех божиться* и т.п., в которых существительные в именит. падеже выполняют функцию предиката. Например, уже в первой половине 19 в. мы встречаем: *Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник...* Крылов, Щука и кот; *Беда да и только! Как покажусь я на глаза господам?* Пушкин; *Капит. дочка; И добро бы уж ходил ты на турку или на шведа, а то и грех сказать на кого.* Пушкин, Капит. дочка; *Хоть раненько задумал ты жениться, да зато Марья Ивановна такая добрая барышня, что грех и пропустить оказию.* Пушкин, Капит. дочка.

Функция предиката у форм именит. падежа, как это уже отмечалось у наречий на *-ь*, служила переходной ступенью к наречию. Полный переход мы видим в тех случаях, когда существительные в именит. падеже, несущие в семантике яркую эмоционально-качественную окраску, употребляясь, по выражению А. А. Шахматова, не в субъекте и не в объекте, начинают означать не субстанцию, а признак¹⁹, т.е. переходить в определительные наречия. Существительное, обозначающее какое-то сильное чувство или связанное с сильными эмоциями, в отвлечении от субстанции сохраняет только признак чего-то сильного или многого. Наречные формы, восходящие к именит. падежу, употребляются как качественно-количественные наречия со значением „очень сильно, очень много“; это значение может развиваться дальше в количественное значение меры и степени „очень, крайне, чрезвычайной“ Таких наречий нами отмечено пять:

беда — „очень сильно“: *Я беда как люблю компот! А ты любишь?* А. Гайдар, Школа.

смерть — „очень сильно“: *Смерть люблю узнать, что есть нового на свете.* Гоголь, Ревизор; *Мне стало смерть стыдно.* Герцен, Доктор Крупов; *В дверь послышался стук, и тоненький детский голосок проговорил: — Дедушка, твори... Смерть как замерзла!* Мамин-Сибиряк, Богач и Еремка.

¹⁹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941, с. 130.

страсть — 1) „очень много“: — *Нужно нам перемерить золото наше, потому что у нашего Абдул-хана страсть сколько золота.* Г. Успенский, Кой про что; *Дело это требовало страсть какого усилия.* В. Смирнов, Открытие мира.

2) „очень, крайне, чрезвычайно“: *Вода страсть была холодна: у меня даже под мышками закололо.* Лесков, Очарованный странник; *Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется.* Чехов, Ванька; — *Жирная растет малина, ее и медведи страсть любят.* С. Антонов, Лена.

страх — 1) „очень много“: *Страх сколько возни с нашими многочисленными московскими гостями.* Ц. Кюи, Письмо 1902 г.²⁰

2) „очень, крайне, чрезвычайно“: *И весело мне страх выслушивать о фрунтах и рядах.* Грибоедов, Горе от ума; *Иван Иванович... уходился страх и прилег отдохнуть.* Гоголь. Пов. о том, как поссорились Ив. Ив. с Ив. Ник.; *Мне страх не нравится, что ты поэт, что ты сдружился с славою плохую.* Есенин, Письмо от матери.

ужас — 1) „очень много“: — *Денег уходит ужас сколько, и сам не знаю куда.* Гончаров, Обломов.

2) „очень, крайне, весьма“: *Она строга, властолюбива. Я сам дивлюсь ее уму — и ужас как она ревнива.* Пушкин, Паж или пятнадцатый год; *Дед у нас ужас какой смелый.* Паустовский, Клад; — *Он хороший... строгий такой... и ласковый. Сильный... ужас!* В. Осева, Васек Трубачев...

Таким образом, наречия, образовавшиеся от форм именит. падежа существительных, становятся фактом современного русского языка. И тем не менее они подчас молчаливо обходятся в учебниках по современному русскому языку. Лишь в некоторых из них кратко упоминается о наречиях от именит. падежа существительных, иногда с замечанием, что круг существительных, вовлекаемых в процесс онаречивания в форме именит. падежа, очень ограничен²¹.

В. В. Виноградов определяет наречия типа *страх, ужас* как формы именит.-винит. падежа²², так же они рассматриваются и в „Грамматике русского языка“ АН СССР²³. Ссылка не только на именит., но и на винит. падеж, вероятно, делается из осторожности, поскольку сам случай экстраординарный: в наречие переходит именит. падеж, тогда как обычно переходили косвенные падежи. Но в истории языка есть очень древний прецедент — наречия на -ь, которые также образовывались от форм именит. падежа через ступень предиката. Новейшая группа наречий от именит. падежа существительных в настоящее время ограничена несколькими формами (*беда, смерть, страсть, страх, ужас*), которые еще не стали стилистически нейтральными и пока воспринимаются как разговорные, просторечные.

²⁰ ССРЛЯ; т. 14. М.—Л., 1963, с. 1009.

²¹ Современный русский язык (морфология). Изд. МГУ, 1952, с. 384; Трофимов В. А. Современный русский литературный язык (морфология). Изд. ЛГУ, 1957, с. 236—237; Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык, ч. I. М., 1958, с. 372; Лукин М. Ф. Морфология современного русского языка. М., 1973, с. 191.

²² Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 360.

²³ Ч. I. М., 1953, с. 621.

СОКРАЩЕНИЯ

- АИ — Акты исторические, собр. и изд. Археографическою Комиссиею. Т. 1—5 (1334—1700 гг.), СПб., 1841—1842.
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца 14 — начала 17 вв. Т. 1. М., 1952.
 ГалЕв — Галичское евангелие 1114 г. Изд. Амфилохий, архимандрит. Т. 1—2. М., 1882—1883.
 ГрВс — Грамота новгородского князя Всеволода (12 в.). Русские достопамятности. Ч. 1. М., 1815.
 Держ — Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1958.
 ДипДИ — Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. Т. 1 (1488—1594 гг.). СПб., 1851.
 ДипМП — Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. 1 (царствование Федора Иоанновича). СПб., 1880.
 Док — Акты и документы конца 17 в. — В кн.: Русская Историческая Библиотека. Т. 8. СПб., 1884.
 ЕфрС — Поучение Ефрема Сирина. Рукоп. ЛГПБ (Погод. 71-а), 1288 г.
 ЖАв — Житие протопопа Авакума (втор. пол. 17 в.). М., 1960.
 ЖЕп — Житие Епифания Кипрского. Рукоп. ЛГПБ (Соф. 1326), 13 в.
 Изб — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. Изд. ОИДР. М., 1884.
 Излат — Златоструй Иоанна Златоуста. Рукоп. ЛГПБ (Q п 1 74), 12 в.
 ИпЛет — Ипатьевская летопись (1425 г.). — В кн.: Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. СПб., 1908.
 Кант — Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956.
 КнИзб — Книга нарицаемая изборник от многих отец толкования. Рукоп. ЛГПБ (Q п 1 18), 13 в.
 Крашен — Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1—2. СПб., 1755.
 Мин — Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь (1095, 1096 и 1097 гг.). Изд. И. В. Ягич. — В кн.: Памятники древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1886.
 МСиб — Материалы для истории Сибири (середина 18 в.). — В кн.: Чтения ОИДР, 1867, кн. 1.
 НовЛет — Новгородская I летопись старшего и младшего изводов (сп. 13 и 15 вв.). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
 ОстрЕв — Остромирово евангелие 1056—1057 гг. (Фотолитография). СПб., 1883.
 ПандАнт — Пандект монаха Антиоха (сп. 11 в.). Под наблюд. О. М. Бодянского. М., 1913.
 ПВЛ — Повесть временных лет (по Лаврентьевской летоп. 1377 г.). Под ред. В. П. Адряновой-Перетц. М.—Л., 1950.
 ПовМих — Повесть о Михаиле Клопском (сп. 16 в.). — В кн.: Памятники старинной русской литературы. Изд. Г. Кушелев-Безбородко. Вып. 4. СПб., 1862.
 ПовРус — Русские повести 15—16 веков. М.—Л., 1958.
 ПослИТ — Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адряновой-Перетц. М.—Л., 1951.
 Пчела — Древняя русская пчела (сп. 14—15 вв.). — В кн.: Сборник ОРЯС, т. 54, СПб., 1883.
 РусПр — Русская Правда по Новгородской кормчей 1282 г. Под ред. Б. Д. Грекова. — В кн.: Правда русская. Ч. 1. М.—Л., 1940.
 Синт — Синтагма в 14 титулах (сп. 12 в.). Срезневский И. И. Обзорение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897.
 СказР — Сказание о рае (сп. 14 в.). — В кн.: Памятники старинной русской литературы. Изд. Г. Кушелев-Безбородко. Вып. 3. СПб., 1862.
 СлИп — Слово святого Ипполита об антихристе (сп. 12 в.). М., 1868.
 Спол — Симеон Полоцкий. Избранные произведения (втор. пол. 17 в.). М.—Л., 1953.
 Срезн — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка (по письменным памятникам). Т. 1—3. М., 1958.
 ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР. Т. 1—17. М.—Л., 1948—1965.
 СуздЛет — Суздальская летопись (по Лаврентьевской летоп. 1377 г.). — В кн.: ПСРЛ. Т. 1, вып. 2. Л., 1927.

- Тред — Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.—Л., 1963.
 УспСб — Успенский сборник 12—13 вв. М., 1971.
 ХДан — Житие и хоженье Даниила русьския земли игумена (1106—1107 гг.). — В кн.: Православный Палестинский сборник, вып. 3, 9. СПб., 1885.
 ХрАм — Книги временныя и образныя Георгия мниха (Хроника Георгия Амартола сп. 13—14 и 15 вв.). Изд. В. М. Истрин. Т. I. Петроград, 1920.
 ЧудПс — Чудовская пластырь 11 в. (отрывок). Изд. В. Погорелов. — В кн.: Памятники старославянского языка. Т. 3, вып. 1. СПб., 1910.

ZU DEN RUSSISCHEN ADVERBIEN, DIE DEM NOMINATIV DER NOMEN ENTSTAMMEN

A. KONEWETZKIJ

Zusammenfassung

Im folgenden Aufsatz wird die Bildung der Adverbien, die dem Nominativ der Nomen entstammen, behandelt. Das ist eine Erscheinung, die obzwar nicht sehr bedeutend aber doch in der russischen Sprache vorkommt. Die Bildung der Adverbien geschieht in diesem Falle nicht als Resultat der syntaktischen Isolation der Kasusform, sondern als Übergang der Adjektive als Prädikat zu den Adverbien.

Ursprünglich ist die Bildung dieser Adverbien auf die unflektierten Adjektive auf -ь (*выспрь, сузубь, свободь, удобь* u. a.) zurückzuführen, gegenwärtig aber ist mit den Substantiven emotionell-qualitativer Färbung (*страх, страсть, ужас* u. a.) verbunden.